
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ ИСТОРИИ

А. А. ХОХЛОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ДЕВИАЦИИ ЦЕРКОВНОЙ МОЛОДЕЖИ В ПОЗДНЕИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ)

В статье затрагивается проблема поведенческой девиации учащихся православных духовных семинарий на рубеже XIX–XX веков. На основе источников демонстрируется картина отклоняющегося поведения семинаристов, его характер и специфика. Показано, что церковная среда в обозначенный период времени не служила эталоном благочестивой жизни и транслятором в общество «незыблемых» нравственных ценностей.

Ключевые слова: *церковь, семинаристы, бунт, терроризм, нравственность, религия.*

В отечественной историографии моральному облику русского студенчества традиционно не уделялось большого внимания. До недавнего времени место воспитанников духовных учебных заведений в обозначенном явлении также не было в полной мере определено. По всей вероятности, это объясняется спецификой предмета рассмотрения и, не исключено, стереотипных представлений исследователей о церкви, заведомо не требующих пересмотра. Вместе с тем накоплен обширный материал, позволяющий взглянуть на девиацию учащейся молодежи Духовного ведомства рубежа XIX–XX веков в различных аспектах: личных пороков, общественно опасных деяний и т. п. Источники свидетельствуют, что христианские принципы благочестия в духовных семинариях Русской церкви, претворение в жизнь которых является главной зада-

чей этого религиозного института, не только не были ориентирами в повседневной жизни питомцев духовных школ, но нередко меняли свою валентность в пользу усиления нравственного нигилизма. Пример Казанской духовной семинарии в этом отношении показателен.

В марте 1899 года по Казанской семинарии прокатилась волна беспорядков. 13 марта семинаристы организовали массовую акцию по уничтожению посуды в семинарской столовой (НА РГ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 912. Л. 7). Начатая в трапезной, она перекинулась на другие помещения учебного заведения. От тарелок семинаристы перешли к оконным стеклам и лампам. После посещения семинарии правящим архиереем Арсением (Брянцевым) и назначения комиссии по расследованию обстоятельств произошедшего напряжение в учебном заведении несколько спало. Как отмечается в отчетных документах, составленных по итогам работы комиссии, причина данного события крылась в неудовлетворительных материально-бытовых условиях семинарии. В свою очередь, ректор духовной школы архимандрит Кирилл (Лопатин) и вовсе был склонен связывать случившееся с влиянием на воспитанников извне. «К тому же заключению о стороннем влиянии приходит и то обстоятельство, — писал он казанскому архиерею, — что семинаристы не постеснялись при отеческой с ними беседе Вашего Высокопреосвященства поднять шум и в один голос отвечать на многие Ваши вопросы, равно произвести крик, когда благоугодно было Вашему Высокопреосвященству окончить с ними беседу, и также продолжить безобразия» (Там же. Д. 942. Л. 15 об.). Не менее интересные сведения об этих событиях дает секретная переписка губернской полиции. 15 марта полицмейстер А. Панфилов сообщал казанскому губернатору, что семинаристы планируют избиение полиции (Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11947. Л. 1). Чуть позже он рапортовал и о планах учащихся физически расправиться с ректором семинарии архимандритом Кириллом.

Предпринятые начальством учебного заведения меры, конечно, во многом чисто косметического характера, оздоровили атмосферу в семинарии ненадолго. Уже 28 марта инспекция обнаружила в ватерклозете семинарского корпуса новое воззвание, призывавшее бурсаков продолжить беспорядки (Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 942. Л. 16). И они вскоре последовали. По свидетельству архиепископа Арсения, экстренно телеграфировавшего в Петербург, выступление воспитанников приобрело форму «крайнего бешенства» (Там же. Л. 17).

Подчеркнем, речь идет об учебном заведении, на три четверти формировавшемся из отпрысков православного духовенства и готовившем духовных пастырей.

Утро 5 апреля началось с выстрелов из револьвера, которые послужили сигналом к «восстанию». Семинаристы принялись крушить в аудиториях мебель и бить стекла. Орудиями послужили камни, поленья и топоры. Атмосфера в учебном заведении достигла такого накала, что некоторые воспитанники, не пожелавшие по каким-то причинам занять сторону бунтарей, прятали представителей семинарской администрации, спасая их таким образом от линчевания (НА РГ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 942. Л. 16). В складывавшихся условиях руководство духовной школы оказалось беспомощным и было вынуждено обратиться к полиции, которая, вовремя подоспев, блокировала организаторов бунта. Острота ситуации вынудила духовные власти объявить о временном прекращении занятий.

Как свидетельствуют документы, усиление дисциплинарного нажима духовной власти на учеников не давало желаемого эффекта. В условиях нараставшего в стенах семинарии напряжения это приводило лишь к выплеску в городскую среду протестной энергии, становившейся топливом для революционного настроения университетского студенчества. В иных случаях семинаристы находили себя в относительно конвенциональных формах оппозиционности – сочинении прокламаций или реформаторских проектов, которые затем планировалось направлять в Синод. В этом смысле знаковой можно считать деятельность Временного центрального организационного совета семинаристов – всероссийской организации, созданной в Казани на рубеже 1901–1902 годов. Однако чем сильнее становилось революционное брожение в стране, тем труднее приходилось священноначалию сдерживать с помощью административных тисков радикализм церковной молодежи. Поэтому взрывы были лишь вопросом времени как в переносном, так и в прямом смысле.

Весной 1904 года в семинарии прогремели взрывы. Они повторились летом и осенью. Бомбы были подложены к дверям квартиры инспектора (воспитателя) А. Вознесенского (Там же. Д. 1128. Л. 4). Впоследствии жандармерия рапортовала губернатору, что взрывы в духовной школе были первыми террористическими актами в Казани. Дальше – больше. 16 октября 1905 года Казанская семинария стала эпицентром столкновения революционного народа, вышедшего на митинг по случаю подписания Высочайшего Манифеста

об усовершенствовании государственного порядка и правительственных войск. Как сообщал впоследствии видный большевик А. Аросев, находившийся вместе со своим другом В. Скрябиным (в будущем – наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым) на месте событий, именно семинаристы открыли сражение и прорвали заградительный кордон царских войск (Аросев 1925: 62). В феврале 1906 года в семинарии вновь был совершен террористический акт. На этот раз мишенью стал ректор – архимандрит Михаил (Богданов) (НА РТ Ф. 1. Оп. 5. Д. 527. Л. 15–15 об.). Аналогичных по характеру примеров можно привести множество.

Закономерно возникает вопрос: была ли в этом смысле Казань печальным исключением, в то время как в других церковных учебных заведениях России, включая духовные училища и академии, царило «тихое и безмолвное житие»? Источники свидетельствуют, что это было далеко не так. Еще в мае 1895 года ученик Владимирской семинарии И. Селенин совершил покушение на ректора архимандрита Никона (Софийского), ударив его топором по голове (Евлогий 1994: 71). В апреле 1907 года взрывы у здания полицейского управления и в сквере губернаторского дома были организованы пензенскими семинаристами (Сухова 2012: 145). В мае того же года они же застрелили ректора семинарии архимандрита Николая (Орлова) (Пензенские... 1907). Б. В. Куницын сообщает, что в конце 1890-х годов известный церковный иерарх, ректор Казанской духовной академии епископ Антоний (Храповицкий) тайно застраховал свою жизнь. Опасения архиерея оказались небеспочвенными. В 1911 году во время богослужения в церкви Благовещенского подворья в Санкт-Петербурге на Антония было совершено покушение бывшим студентом Казанской духовной академии В. Трифоновым (Куницын 2013: 224). Преступник пытался зарезать епископа кортиком. Примечательно, что нечто подобное, хотя и не столь радикально, происходило и в мусульманских медресе (Габдрафикова 2012: 60).

Вопрос, почему именно религиозные учебные заведения становились рассадником уголовщины и радикализма, требует ответа, и он должен носить комплексный характер. Очевидно, что религиозное сознание, оказавшееся в кризисном состоянии, обусловленном спецификой времени, транслировало наиболее крайние поведенческие формы. Современник описываемых событий психиатр П. Б. Ганнушкин (2011) выявил положительную связь между религиозностью и уровнем насилия в обществе. Широкий набор приме-

ров, подтверждающих указанную корреляцию, содержит знаменитая книга Р. Докинза (2008). Оказывала влияние и общая атмосфера, царившая в стране, буквально насыщенная духом терроризма. Таким образом проявлялся фактор эмоционального заражения масс агрессией в условиях социально-политической нестабильности (Майерс 2002: 507).

Вместе с тем уместно допустить, что выработке поведенческих особенностей семинаристов способствовала длительная изоляция духовенства в рамках жесткой сословной структуры, ставшей своеобразным вариантом популяционной замкнутости, наделенной инструментарием отбора, со всеми вытекающими социально-эволюционными последствиями. Так, известно, что духовное сословие начало складываться еще в ранний период Русского государства (Ключевский 2016: 85). Духовенство было неразрывно связано с церковной общиной, в абсолютном большинстве сельской. Последняя играла ключевую роль в выборе кандидата на священство в деревенский церковный приход. Закономерно, что таковым практически всегда становился поповский сын, поскольку дети священников, их характер и навыки были хорошо знакомы членам общины. Утверждение кандидатуры епархиальным архиереем было лишь формальным актом.

Атмосфера жизни крестьянства оказывала непосредственное и всестороннее влияние на нравственный облик русского священника, который за сотни лет стал ее неотъемлемой частью. По замечанию церковного историка А. В. Карташева (1959: 429–430), «русские крестьяне отнюдь не были моральными ригористами. Они сплошь были снисходительны к пьянственному и грубому быту своего простонародного духовенства, да и простого чернорабочего монашества». Симптоматично, что и у русских классиков не осталась незамеченной эта его черта (Тургенев 1960: 87–98). А вот картину нравов самих сельчан рисует полицейский обзор Казанского, Чистопольского и Лаишевского уездов за 1896 год: «Между православным населением в отчетном году не наблюдалось никаких волнений, за исключением незначительных уличных беспорядков, произошедших в г. Чистополе в день празднования Священного Коронования Их Императорских Величеств. Беспорядки заключались в том, что в ночь на 15 мая толпа (около 200 человек) подвыпивших местных жителей и соседних крестьян, съехавшихся в город по случаю праздника, собралась первоначально перед зданием Городской Управы и стала требовать водки, кричать и кидать кам-

нями в окна, а потом направилась к домам Городского Головы и одного из членов Управы, где учинила такое же буйство, причем было избито несколько полицейских нижних чинов, пытавшихся унять буйных» (НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 55. Л. 3 об., 4). Примечательно, что произошедшее, в сущности, расценивается полицией как вариант нормы. Оказавшийся в эпицентре семинарских бунтов инспектор Владимирской семинарии Евлогий (Георгиевский) также отмечал: «Под влиянием тяжелых воспоминаний детства озлобленные сердца, исковерканные характеры, страстный, слепой протест против окружающей жизни – вот с какими душами приходилось иметь дело» (Евлогий 1994: 80).

Преобразования Петра I внесли свои коррективы в структуру и характер российской социально-правовой стратификации, преимущественно в сторону возрастания взаимной изоляции сословий. Отныне духовенство становилось полностью замкнутым, а духовные школы стали исключительно сословными учебными заведениями (Смолич 1996: 189). Такая картина сохранялась и в конце XIX века. Согласно Уставу духовных семинарий 1884 года, иносословные воспитанники в них составляли не более 10 % учащихся. Усилению замкнутости способствовал и запрет на поступление семинаристов в университеты. Таким образом, специфическая социальная среда, отличающаяся закрытым характером, культивацией архаичных поведенческих и мировоззренческих установок, выступала в роли шлифовальщика психотипа поповичей. Это могло повлиять на характер социального протеста семинаристов, отличавшегося крайностями, антицерковной направленностью и неизменным присутствием религиозной риторики. «Много уделов имеют церкви и монастыри! Духовенство и монахи нарушают этим самым прямую заповедь Иисуса Христа, который запретил им имущество: Иисус Христос в Евангелии от Луки в 10 главе в 3 и 4 стихах сказал Апостолам, отправляя их на проповедь: “Идите се, Аз посылаю вы яко агнцы посреде волков. Не носите влагалища, ни пиры, ни сапог”. Он запретил им даже иметь мешки, сумы и обувь, а они владеют громадными землями!» – писал один из лидеров семинарского протеста в Казани Н. Ложкин (НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 274. Л. 41).

Однако не менее важным представляется вопрос поведения семинарского начальства. Учитывая тот факт, что контингент администрации духовной школы формировался из тех же выпускников духовных семинарий и академий, особых примеров личного благо-

чества здесь ожидать не приходится. Действительно, источники дают основание для такого вывода. Так, уже упоминавшийся инспектор А. Вознесенский именовался семинаристами «ласковым деспотом». В свою очередь, воспитатель обращался к подопечным посредством эпитетов «черти», «сволочи», «собаки». Невольно раскрывая тот глубокий разрыв между декларируемыми церковью нравственными идеалами и ее реальным состоянием, Вознесенский в порыве нервного возбуждения восклицал: «Вы, господа, изолгались, в вас врожденная ложь от отцов, так как давно известно, что духовное сословие изолгалось более других!» (НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 527. Л. 20 об.).

Конфликт учащихся и инспектора дошел до крайности, и семинаристы подготовили публичное обращение к духовенству города, прося заступничества: «Мы – ваша плоть, ваша кровь! Неужели у вас настолько зачерствело сердце, что вы опять останетесь только безмолвными зрителями зверской расправы с нами инспектора?!» (Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1128. Л. 7). Духовные пастыри ответили дружным молчанием. Следуя внутреннему зову, семинаристы предупредили: «И вы наши о.о. не отозвались на эту, быть может, предсмертную просьбу Ваших сыновей. Для многих наше движение будет пагубно, много будет жертв!» (Там же. Л. 7 об.). Но вновь молчание не прервал ни один священник. И колесо семинарского бунтарства закрутилось с новой силой. Инструментом был избран терроризм.

Источники донесли до нас и моральный облик архиепископа Арсения (Брянцева), в период архиерейства которого на казанской кафедре (1897–1903) происходили упомянутые события. Евлогий (Георгиевский) в своих мемуарах передает примечательную историю, произошедшую с Арсением во время его посещения родной Смоленской губернии: «Будучи уже архиепископом, украшенный звездами и орденами, приехал он на родину, в Смоленск, и здесь встретился с матушкой кафедрального протоиерея, к которой в молодости безуспешно сватался.

– Ишь, глупая какая, – попенял он, – посмотри, какой я теперь молодец! Звезды... отличия...

– Если бы я за вас замуж вышла, – заметила матушка, – и звезд бы не было.

– А ты бы вовремя померла, – нашелся владыка Арсений» (Евлогий 1994: 113).

Вряд ли это был отдельный случай. Примечательно, что последний протопресвитер Российской армии и флота Г. Шавельский, имевший доступ в самые верхи светской и церковной власти в царствование Николая II, склонен был наделять чертами тщеславия, деспотизма и сибаритизма большинство русского епископата того времени (Шавельский 2010: 483).

В условиях активизации революционной борьбы в империи в начале XX века симпатии семинаристов-поповичей начинают склоняться в сторону леворадикальных политических течений, прежде всего эсеров. К сожалению, в нашем распоряжении не имеется достоверных статистических данных, свидетельствующих в целом о проценте поповичей в той или иной партии в обозначенный период. Тем не менее мы располагаем сведениями об их представительстве в руководящих органах эсеров, большевиков и кадетов. Так, согласно Б. Н. Миронову, процент выходцев из духовного сословия в партии социалистов-революционеров составлял 9,4 %, большевиков – 3,7 %, конституционных демократов – 1,6 % (Миронов 2003: 107). Но при этом важно отметить, что среди прочих сословий духовенство было самым малочисленным, уступая даже привилегированному дворянству. Его численность не превышала 0,5 % от населения страны. Как отмечает Т. Г. Леонтьева, хотя в последующем поповичей в рядах революционеров не прибавлялось, не будет преувеличением утверждать, что именно семинарский тип мировосприятия оказался характерен для революционной элиты в целом (Леонтьева 2001: 40).

Таким образом, изложенный материал помогает понять, почему в позднеимперский период церковь не могла представлять собой авторитетный в нравственном плане консервативный институт. Для воспитанников православных духовных учебных заведений был характерен широкий набор поведенческих крайностей, причем, по всей вероятности, не только из-за кризисного состояния всей социально-политической системы империи, но и в силу специфической эволюции духовного сословия и его представителей.

Литература

Аросев, А. Я. 1925. *Казанские очерки о революции 1905 г.* Казань: Истпартотдел Татобкома ВКП(б).

Габдрафикова, Л. Р. 2012. Повседневная жизнь татарских шакирдов в конце XIX – начале XX в. *Известия Алтайского государственного университета* 4(76): 56–62.

Ганнушкин, П. Б. 2011. Сладострастие, жестокость, религия. *Историческая психология и социология истории* 1: 168–183.

Докинз, Р. 2008. *Бог как иллюзия*. М.: КоЛибри.

Евлогий (Георгиевский), митрополит. 1994. *Путь моей жизни*. М.: Московский рабочий.

Карташев, А. В. 1959. *Очерки по истории Русской церкви*: в 2 т. Т. 2. Париж: YMCA-PRESS.

Ключевский, В. О. 2016. *История сословий в России*. СПб.: Альфарет.

Куницын, Б. В. 2013. Казанские духовные школы и революция 1905 года. *Эхо веков* 1/2: 223–228.

Леонтьева, Т. Г. 2001. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России в начале XX века. *Вопросы истории* 1: 29–43.

Майерс, Д. 2002. *Социальная психология*. СПб.: Питер.

Мионов, Б. Н. 2003. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*: в 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин.

Пензенские губернские ведомости. 1907. № 110.

Смолич, И. К. 1996. *История Русской церкви: 1700–1917*. Ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря.

Сухова, О. А. 2012. Революционный терроризм в России конца XIX – начала XX века: историография, методы, факты. *Исторический вестник. Терроризм в России в начале XX в.* 2(149): 136–173.

Тургенев, И. С. 1960. *Полн. собр. соч. и писем*: в 20 т. Т. XI. М.: Изд-во Академии наук СССР, с. 87–98.

Шавельский, Г., протопресвитер. 2010. *Воспоминания*. М.: Изд-во Крутицкого подворья.

Архив:

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 11947. Л. 1; Ф. 1. Оп. 5. Д. 527. Л. 15–15 об.; Ф. 1. Оп. 6. Д. 527. Л. 20 об.; Ф. 116. Оп. 1. Д. 912. Л. 7; Ф. 116. Оп. 1. Д. 942. Л. 15 об., 16, 17; Ф. 116. Оп. 1. Д. 1128. Л. 4, 7, 7 об.; Ф. 199. Оп. 2. Д. 55. Л. 3 об., 4; Ф. 199. Оп. 1. Д. 274. Л. 41.